

НОВАЯ АРХИТЕКТУРА «БОЛЬШОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ПОРЯДКА»

*Александр Арутюнян**

Ключевые слова: вакуум глобальной системы миропорядка, «Большой Евразийский регион», кризисная парадигма деструктивности, турецкая геостратегия «неосманизма», идео-стратегические программы, региональная историко-геополитическая конфигурация.

Современный мир характерен тем, что *вакуум глобальной системы, созданный в результате кризиса всей архитектуры миропорядка и отсутствия стабилизирующих мир-системных парадигм, заполняется жестким столкновением ряда крупных региональных геополитических проектов и геостратегических программ*, которые по своему потенциальному конфликтогенному и кризисному запалу, возможно, превосходят все предыдущие эпохи. Одной из ключевых арен разворачивания данного острейшего противостояния на геополитической карте современного мира, в силу ряда объективных и субъективных специфик, является регион так называемого «Большого Ближнего Востока» (ББВ). Название данного региона дано условно. Как минимум, сюда включают также и территорию Центральной Азии, Афганистана, Пакистана, частично Индии, Бангладеш, Китая и сопряженные территории. Экспертами уже условно разработано и понятие «Большого Среднего Востока», как интегрированного в общий концепт «ББВ». Более того, сюда также инкорпорированы и конфликтогенные регионы Южного Кавказа, Юго-Восточной Европы и, как ни странно, даже Украины и Приднестровья. С развитием процессов территория и геостратегическая архитектура концепта «ББВ» расширяется все более и уже

*Магистрант РАУ, сотрудник международной японской трейдинговой корпорации *Sojitz Corporation* (Япон), Ашхабадский офис, менеджер по бизнес-проектам.

определяется не географическими измерениями, а прослеживаемой единой логикой геополитического программирования и развития¹.

Критической точкой столкновения и пересечения данных тенденций и кризисных явлений стал сирийский конфликт. Ситуация, сложившаяся вокруг сирийского конфликта настолько усложнена и запутана и состоит из такого множества пересекающихся и взаимоперекрывающихся геополитических и стратегических пластов, что необходимо рассмотреть в отдельности каждый из включенных проектов и попытаться синтезировать направление и логику развития всех данных процессов.

Итак, какие же крупные геополитические проекты и процессы задействованы в развертывании и включены в развитие сирийского (большого ближневосточного) кризиса? Наиболее часто упоминаемым и крупнейшим среди экспертов отмечается, конечно же, проект «Большой Ближний Восток». Не вполне объективно, но все же, большинство аналитиков именно данную геополитическую разработку считают основным «триггером» и стимулятором изменяющихся региональных процессов. Отметим, что концепция была разработана и введена в оборот со стороны американских военно-политических кругов и, кстати, вполне успешно инкорпорировалась в дискурс и реалии современной международной и региональной политики. Официальной целью озвученного проекта ставилось распространение демократии и экономических свобод на территории жизненно важного для мирового порядка «Большого Ближневосточного Региона» – в противовес распространению исламского фундаментализма и социально-экономической деградации. Странам, успешно укладывающимся в реализацию предложенной доктрины, гарантировалась всесторонняя помощь и поддержка США. Тем не менее большинство специалистов сходятся во мнении, что речь идет о большом территориально-геополитическом реформатировании всего региона. Многие связывают реализацию военной кампании США в Ираке именно с развертыванием проекта «ББВ», как ее начальной стадии (а возможно, еще ранее, и интервенцию в Афганистан), процессы «арабской весны» и все последующие региональ-

¹ Для более облегченного понимания дискурса далее условно примем обозначение данного региона термином «Большой Евразийский регион», либо упрощенно – «Большой регион».

ные кризисы, так как именно на период 2002-2004гг. приходится раскрытие широкой публике положений концепции и ее основных идей. Но многие исследователи смотрят гораздо глубже, усматривая в концепции «ББВ» определенную ступень в большом проекте глобального реформирования всего миропорядка. Как очень точно отмечает по этому поводу С.Кургиян: «Сейчас речь идет о чем-то большем, нежели разогрев региона с преимущественно исламским населением – об очередном этапе глобального переустройства мира... Как минимум, речь идет об очень острых процессах, уже охвативших существенную часть «Большой исламской дуги». И здесь крайне важным представляется то, что границы макрорегиона, в котором сегодня разворачиваются эти острые процессы, фактически совпадают с границами макрорегиона, коренную реконструкцию которого США предлагали осуществить еще в 2003-2004гг. Тогда это называлось «проектом реконструкции Большого Ближнего Востока»¹.

Формирование кризисной парадигмы «деструктивности» в «Большом регионе»

Таким образом, можно утверждать, что проект «ББВ» подразумевает, как минимум, некую крупную геополитическую реконфигурацию региона. Скорее всего, на сегодняшний день мы являемся свидетелями практической региональной резверстки данного геостратегического проекта. И в этом плане сирийский конфликт стал ключевым в качестве возможного плацдарма запуска процесса реформирования региональных границ. По целому ряду объективных причин и внутренних и внешних обстоятельств *именно Сирия стала тем слабым элементом в цепочке региональных субъектов, включенных в разработку, с которого мог либо потенциально может быть начат данный процесс, суть которого – в развале действующей государственной системы, переделе суверенных государственных границ, перекидке дестабилизирующих и центробежных механизмов на соседние региональные субъекты, с дальнейшим распространением и развитием по логике «цепной реакции» процесса дестабилизации и дест-*

¹ Кургиян С.Е., Политическое Цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке. с. 31, <http://www.kurginyan.ru/books/polittsunami.pdf>.

рукции по всему региону. В результате, превратив весь регион в некую геополитическую «жижу» постоянного хаоса и анархии, из нее уже вполне удобно будет лепить тот геополитический формат, который необходим конечным разработчикам.

До сирийского кризиса данные процессы были уже успешно отработаны в Ираке и позже в Ливии, что, по сути, привело к фактическому развалу целостного суверенного иракского и ливийского государств. Однако именно в сирийском конфликте данный процесс достиг своей кризисной точки. Как уже было отмечено, тому способствовал целый ряд объективных внутренних и внешних обстоятельств. Среди них – не такая большая удаленность от региональных центров силы, в отличие, к примеру, от ситуации в Ливии, где размах конфликта принял не меньший масштаб внутреннего хаоса и анархии. Наряду с Ираком Сирия находится в самом центре критического регионального узла и с точки зрения геостратегии, и с точки зрения этно-конфессиональной конфигурации и предыстории. По последнему параметру ситуация в Сирии в разы более усложнена, чем в соседнем Ираке, где парадигма конфликта развивалась по устоявшейся триангулярной схеме: шииты-сунниты-курды плюс добавившийся фактор «исламского государства» в качестве самостоятельного субъекта конфликта. Ситуация в Сирии отличается гораздо большим количеством участников. Так случилось, что в сирийский конфликт были критическим образом включены практически все региональные субъекты, и даже Россия. Именно на территории Сирии произошло критическое пересечение и сталкивание сразу нескольких крупных региональных геополитических проектов и стратегических разработок, при этом с взаимоисключающим вектором и сценарием развития.

В контексте рассматриваемой проблемы традиционно принято считать, что современный кризис на всем «Большом Ближнем Востоке» возник в результате столкновения американского (западного) геополитического проекта с радикальной протестной реакцией внутри исламского мира, что и предопределило фактор возникновения «Исламского государства» как явления современной действительности. ***На самом деле, одним из ключевых факторов, повлиявших на развертывание военно-***

политической эскалации вокруг сирийского конфликта, который выпадает из основного фокуса исследователей, либо аккуратно замалчивается на фоне факторов борьбы с ИГ, пансуннитского и паншиитского регионального противостояния и резкого российско-турецкого обострения, явилось вступление в принципиальное противоречие двух крупнейших региональных проектов: проекта «ББВ» и турецкой геостратегии «неоосманизма». Притом, противоречия касаются принципиального видения будущего региона и региональной геополитической архитектуры.

Что же подвигло Турцию на активные военно-стратегические действия в регионе и столь радикальные изменения собственной позиции по сирийскому вопросу? С ощущением изменения общей региональной геополитической конфигурации Турция, еще задолго до сирийского кризиса и арабской весны, начала корректировать собственную национальную стратегию. Так, в ответ на грузино-юго-осетинский конфликт августа 2008г. и смену регионального статус-кво турецкая стратегия выработывает рефлексивные и превентивные геополитические разработки. Что вылилось в создание двух внешнеполитических инициатив-стратегий. Первая из которых – не нашедшая практического воплощения идея «Кавказской платформы стабильности и сотрудничества», и вторая – небезызвестная концепция «Ноль проблем с соседями». Так или иначе, стало очевидно, что со стороны Турции разрабатывается глубокая региональная геополитическая стратегия опережающего инициативного характера, направленная на интенсивную экспансию.

Таким образом, эксперты сразу же поспешили обозначить новую геополитическую стратегию Турции как «неоосманизм». Как отмечает по поводу складывающейся новой региональной ситуации в одной из своих статей политолог Дмитрий Евстафьев: «Предпринята попытка утверждения как минимум двух новых центров силы – Турции и Саудовской Аравии, которые ставят геополитические цели, превышающие их собственный ресурс. Несмотря на локальность применения силовых инструментов, последствия того, что новые центры стимулировали вооруженные конфликты, выходили далеко за рамки большого Ближнего Востока. Особенно это видно на примере Турции, которая интенсивно пыталась реа-

лизовывать уже не столько политическую или экономическую, сколько геополитическую программу неоосманизма»¹.

Как правило, любой большой стратегический проект, разрабатывающий глубокое территориально-геополитическое переформатирование и создание качественно новой конфигурации, подразумевает наличие по результатам сторон «победителей» и «проигравших». Изначально проект «ББВ» подразумевал переформатирование границ и вывод из игры недееспособных и несостоявшихся государств региона, так называемых «*failed states*». В этой постановке сходятся практически все эксперты. Как отмечает Сергей Караганов: «Ближний Восток вошел в длительный период распада. Ситуацию там, конечно, следует как-то регулировать, но выиграть там невозможно. Можно лишь попытаться сохранить Алжир, Египет, Иорданию, Марокко, Иран и Израиль – жизнеспособных государств там больше, наверное, нет. Карта Ближнего и Среднего Востока, а также севера Центральной Африки неизбежно будет перекраиваться»². Примечательно, что Турция, как ни странно, также подпадает под определение «*failed state*» в рамках проекта ББВ и ее государственные границы и суверенные интересы также должны будут подвергнуться переформатированию. Таким образом, согласно разработке «ББВ», новая региональная геополитическая конфигурация будет создаваться далеко не в пользу Турции.

Как видно из развития текущих процессов и скинутых в обращение карт относительно проекта «ББВ», одной из центральных проблем развернувшегося конфликта стал так называемый курдский вопрос или перспектива создания независимого курдского государства. Проект «Великий Курдистан» – назовем его условно – рассматривается в качестве одного из главных элементов и инструментов регионального переформатирования в рамках Большого проекта. Интересно, что курдская проблема занимает также центральное место в рамках турецкой геополитической стратегии «неоосманизма», но в диаметрально противополож-

¹ Евстафьев Д., В сетях архаики. Пять стратегических векторов конфликта в Сирии. <http://www.globalaffairs.ru/number/V-setyakh-arkhaiki-18138>.

² Караганов С., В предвоенном состоянии: о внешней политике и экономике. www.globalaffairs.ru/pubcol/V-predvoennom-sostoyanii-o-vneshnei-politike-i-ekonomike-18108.

ных перспективах. Таким образом, проект «ББВ» сходиллся с интересами проекта «неоосманизма» на начальных стадиях, в контексте продвижения демократии и процесса светской секуляризации на всем «Большом Ближнем Востоке», где основным проводником интересов Запада и предполагавшимся лидером всего данного процесса стала бы Турция. Что было, кстати, крайне созвучно с интересами и амбициями правящей турецкой партии и, в частности, ее основного идеолога и стратега Ахмета Давутоглу, чем и объясняется принципиальная поддержка Турцией процессов так называемой «арабской весны» на ее начальных стадиях. Однако в дальнейшем, с разворачиванием сирийского кризиса, и еще более на завершающих стадиях интересы двух проектов стали кардинально расходиться по сущностным вопросам, один из которых – курдская проблема.

Дело в том, что одним из конечных результатов проекта «ББВ» является создание «Большого Курдистана». Курдский вопрос является в этом плане уникальным элементом во всей геостратегии «ББВ», так как затрагивает стратегические интересы сразу четырех ключевых субъектов региона, подлежащих реконфигурации – Иран, Турцию, Сирию и Ирак. Таким образом, с точки зрения конечных разработчиков Большой Ближневосточной политики, курдский элемент является незаменимым инструментом во всей текущей региональной геостратегии, уничтожение или выведение из строя которого противоречит всем сущностным и стратегическим интересам в процессе большого регионального геополитического реформатирования. Результатом операции в Ираке войск коалиции уже стало создание де-факто самостоятельного и дееспособного курдского государства. Результаты конфликта в Сирии также фактически привели к созданию самостоятельного и наиболее дееспособного внутри сирийского государственного образования субъекта – сирийского Курдистана на севере страны, который уже открыто заявляет о своей фактической автономии и суверенизации. И процессы борьбы с ИГ только закрепили данные тенденции, где курдский элемент со стороны всех вовлеченных сторон признается наиболее эффективным и дееспособным. Следующим наиболее уязвимым местом в данном процессе, по логике вещей, должно стать фактическое создание турецкого Курдистана – процесс, который

уже запущен, интенсивно развивается и в открытую поддерживается большинством западного блока, НАТО и США.

На самом деле, проблема имеет колоссальное и экзистенциальное значение для Турции и несет огромный кризисный запал для турецкого национально-государственного образования. Конечно, все это не могло не вызвать реакцию со стороны Турции и необходимость срочной выработки опережающей реактивной стратегии по процессу. Дело в том, что курдский вопрос в контексте всего ближневосточного кризиса также рассматривался Турцией как важнейший элемент собственной стратегии, но в контексте экспансионистских задач уже турецкого «неоосманизма». Под прикрытием борьбы с ИГ, за счет военной поддержки антиправительственных сил и борьбы с курдским сепаратизмом в прилегающих к Турции территориях Турция основательно подготавливала расширение собственной зоны геополитического влияния, расширение собственной территории за счет северной Сирии и Ирака, создание так называемых буферных зон безопасности и т.д. Фактически решались бы сразу две стратегические задачи: военно-политическое ослабление курдского элемента и зачистка всей зоны так называемого Курдистана.

Таким образом, задача Турции состояла в обращении нестабильности на всем Ближнем Востоке в свою пользу. А среднесрочные интересы движения «Исламского государства» были аккуратно инкорпорированы в тактические рамки стратегии «неоосманизма». Прекрасно осознавая, что курды сейчас обладают достаточными силами и благоприятной военно-политической конфигурацией, турки рассчитывали, что уничтожением режима в Дамаске все силы «Исламского государства» будут брошены против курдов. Причем несомненно, что в случае масштабной операции Турция всецело поддержала бы «Исламское государство». Запад, в свою очередь, тоже заинтересован в падении режима Асада, но принципиально не желает подавления турками и ИГ курдов. Более того, Запад все более осознает, что Турция затеяла свою игру и выходит из-под контроля. Эксперты сходятся во мнении, что конфликт между Турцией и США, а также между Турцией и Западом только входит в период развертывания. Именно эти расчеты заставляют турецкое руководство откровенно считать, что

США формируют планы расчленения Турции и включения ее в длительные военные действия, прежде всего, с курдами. Интересно также, что в свою очередь Израиль – один из партнеров курдов в сфере вооружений, разведслужб и подготовки вооруженных сил, сейчас также играет против интересов турок.

Вся эта ситуация и создала тот казус, возникшей вокруг провозглашенной борьбы с ИГ, когда общие цели процесса обозначены однозначно, но саму коалицию охватил некий общий паралич неэффективности и бездействия, доходящий до откровенного абсурда. Несмотря на все это, до определенного момента Турции удавалось достаточно успешно реализовывать в Сирии поставленные перед собой задачи, что сделало турецкий фактор определяющим во всем сирийском процессе. Воодушевленная успехами своих стратегических расчетов на начальных этапах, Турция начала в открытую развертывать широкую реализацию «неоосманизма» на территории Сирии, интенсивно используя ИГ в качестве инструмента, свидетельством чему могут служить многочисленные факты, на которые указывают представители различных стран и специализированных ведомств. К примеру, как отмечает по этому поводу в одной из своих статей известный эксперт Евгений Сатановский: «По мнению офицеров политической разведки КНР, деятельность турецкого руководства направлена только на восстановление Османской империи, и включает:

- выдавливание курдов с территории Турции и Ирака (поставлена задача ликвидировать Рабочую партию Курдистана и ее филиалы в Ираке и Сирии);
- захват части территории Сирии и восстановление полного контроля над Средиземноморским регионом»¹.

Расчеты Турции и практическая фаза действий в Сирии, в принципе, шли неплохо до определенного момента – развертывания на территории Сирии сил российских ВКС. Каким же образом, не будучи традиционно ключевым игроком на ближневосточном стратегическом театре, по крайней мере, в период новейшей истории, конкретные оперативно-

¹ Сатановский Е., Османский тупик. <http://www.vpk-news.ru/authors/1068>.

тактические действия российских ВКС смогли кардинальным образом повлиять на изменение всей текущей региональной геополитической конфигурации? Тем более, если принять то обстоятельство, что *Россия, фактически, единственный из всех включенных в процесс крупных субъектов, не имеющий какого-либо отчетливого, долгосрочного, разработанного, целостного и завершенного Большого проекта в данном ключевом регионе.*

Каким же образом действия российских ВКС в Сирии вступили в коренное противоречие с интересами региональной стратегии Турции, при том, что до этого момента обе страны имели неплохую предысторию двухсторонних отношений? Дело в том, что на начальном этапе в оперативные задачи России в принципе не входил какой-либо конфликт интересов с Турцией. Возможно, что как раз наоборот, одной из конъюнктурных политических задач России было создание широкой включающей коалиции с привлечением возможно большего количества региональных участников – от Ирана, Иордании и Израиля, до Турции, Катара и Саудовской Аравии. *Таким образом, Россия искала широкой поддержки и определенной легитимизации своих действий, будучи относительно новым игроком в регионе в данном своем качестве.*

Тем не менее заявленная стратегическая задача возглавляемой Россией коалиции по подавлению ИГ и радикальной оппозиции, недопущению свержения действующего сирийского правительства и поддержания курса на сохранение единого централизованного сирийского государства коренным образом шла вразрез с региональными стратегическими планами Турции. Данное развитие событий привело в настоящее бешенство турецкое руководство и ее стратегических разработчиков, которые, в принципе, посчитали большой дерзостью со стороны России вступление в большую региональную игру, притом в коалиции с Ираном и возглавляемым им шиитским блоком. Именно этим объясняется резкое изменение тренда в геополитических отношениях России и Турции на фоне сирийского кризиса.

Стоит здесь отметить, что и в данном контексте курдский вопрос стал одним из краеугольных элементов кризисного развития. Дело в том, что Россия изначально рассматривала курдский фактор как принципиаль-

ный элемент в борьбе с ИГ и радикальной оппозицией, который необходимо всячески поддерживать. Как известно, Россия активно шла на контакты с дееспособными курдскими формированиями и силами самообороны и всячески поддерживала включение курдов в любой политический формат в рамках процессов урегулирования сирийского кризиса. Если изначально российская сторона и старалась как можно аккуратней обыгрывать данную тему, принимая во внимание так называемую позитивную инерцию российско-турецких отношений, то с принятием Турцией откровенно агрессивной позиции к действиям российских ВКС, и после известного инцидента со сбитым российским истребителем данный расклад позиций по курдскому вопросу стал уже очевиден. *Таким образом, курдский элемент будущей ближневосточной архитектуры вошел в свою полную практическую разработку, и действия российских ВКС в Сирии принципиальным и качественным образом способствовали данному процессу.*

Не вдаваясь в детальный анализ развития российско-турецкого геополитического противостояния в сирийском конфликте, отметим, что одним из главных и принципиально конъюнктурных итогов действий российских ВКС в Сирии стал полный срыв и провал турецких геостратегических планов и направленного на региональную экспансию проекта «неоосманизма», и запуск в Турции качественных центробежных процессов и тенденций. Среди них отметим следующие:

- ***Запуск процесса формирования единого и независимого курдского государства.*** Неудавшаяся возможность и неспособность Турции пресечь перспективу создания на севере Сирии самостоятельного курдского военно-политического и квазигосударственного субъекта необратимым образом перекинули и транслировали данный процесс уже в стадию своего практического развития и реализации в населенные курдами юго-восточные области Турции, и он уже интенсивно агонизирует современное турецкое государство;
- ***Рост радикального исламского элемента внутри Турции.*** Заигрывание с радикальными исламистами, неудавшаяся попытка использовать потенциал боевиков по изначально поставленному сценарию приведет к накоплению кризисной массы маргинальных радикалов.

В совокупности с непрекращающимся потоком беженцев, которых Турция также пытается использовать, но уже в политических отношениях с ЕС, данные факторы создадут взрывоопасную ситуацию внутри самой Турции. С перекрытием сирийских стратегических каналов в данном контексте у Турции останется две опции: а) либо продолжать скидывать огромные потоки беженцев (и вместе с ними и радикальные элементы) в ЕС и продолжать терроризировать и шантажировать Европу – игра, которая, несмотря на всю близорукость и дилетантизм европейских политиков, не может продолжаться вечно; и б) либо перебрасывать всю эту массу в другие кризисные региональные зоны (возможно, это Крым, Нагорный Карабах, Грузия, Средняя Азия и т.д.), экспортируя тем самым конфликтность, исходя из собственных геополитических расчетов;

- ***Нерациональный расчет экономических ресурсов*** в рамках поставленных геополитических задач и их срыв привел к крупному (и имеющему тенденцию к долгосрочному развитию) экономическому спаду, который ограничивается далеко не только последствиями ухудшения российско-турецких отношений. Данный фактор существенным образом повлияет на депрессивное развитие внутри Турции;
- ***По итогам действий российских ВКС в лице устоявшего сирийского государства Турция получила долгосрочного исторического и геополитического врага.*** Любое руководство целостной и единой Сирии, курдские, христианские и другие релевантные субъекты никогда не забудут и не простят действий Турции во время сирийского кризиса. Впредь **сирийский реваншизм** будет одним из базовых элементов региональной геостратегии в контексте противостояния с Турцией. В частности, данный формат будет включать южные территории Турции, прилегающие к северо-западным границам Сирии, и Александрийский санджак-Хатай [который, как известно, является спорной территорией между Турцией и Сирией, и был включен в состав Турции силовой аннексией]. Нет сомнений, что Сирия использует любой удобный исторический случай, чтобы вступить на приграничную территорию и взять реванш;

- **Одним из итогов российской кампании можно также назвать значительное ухудшение международного имиджа Турции** в связи с открытыми разоблачениями ее неконструктивной роли в сирийском кризисе, сотрудничеством с радикальной оппозицией и ИГ, историей с нелегальным трансфертом нефти совместно с боевиками ИГ и т.д. Данный фактор хотя и кажется не столь существенным, но будет иметь долгосрочное негативное политико-дипломатическое и конъюнктурное влияние на Турцию:

Фактически и парадоксальным образом, действия России в Сирии способствовали ускорению превращения Турции в *failed state* – роль, предначертанная ей согласно проекту ББВ, тем самым подготовив процесс ее территориального реформатирования. Таким образом, дан запуск долгосрочному геополитическому противостоянию Россия-Турция – процессу, который будет иметь фундаментальные последствия для дальнейшего развития региона. Как уже отмечалось, многие эксперты сходятся во мнении по поводу наличия отчетливой глобальной стратегии Запада по созданию, в частности вокруг России, перманентной зоны нестабильности и конфликтогенности – от Прибалтики и Украины до Средней Азии и Афганистана. Очевидно, что по итогам разворачивающихся процессов мы уже имеем сформировавшуюся кризисную парадигму «деструктивности» во всем «Большом регионе», как минимум в его сердцевиной части. Дальнейшей задачей является трансляция данных деструктивных процессов на сопряженные регионы и, в частности, ближе к периметру российских границ и зон ее исключительных геополитических интересов. *Несмотря на текущие политические маневрирования в адрес России, очевидно и то, что Турция с большой охотой инкорпорирует себя в рамки данной общей стратегии и приложит усилия по реализации данной деструктивной программы в качестве ключевого регионального проводника дестабильности.*

Подытожив проведенный анализ развивающихся геополитических процессов в «Большом регионе», подведем несколько основных тезисов:

Тезис I: *Концепция и геополитическая программа «Большого Ближнего Востока» (ББВ) является ключевым инициатором и стимулятором большого ближневосточного кризиса. Данный деструктивный региональный проект развертывался при определенном участии и задействовании сопутствующих геополитических стратегий, выполняющих инструментальные и обслуживающие функции (в данном контексте – не важно, преднамеренно-объективно либо в результате конъюнктурных манипуляций), в качестве каковых выступали проекты и идео-стратегические программы «пансуннизма», «паншиизма» и «пантюркизма».*

Основными стратегическими задачами конечных разработчиков программы «ББВ» ставились:

- *Запуск деструктивных процессов по всему периметру «Большого Региона», создание ситуации системного геополитического хаоса, анархии и некоего «вакуума», и на этом фоне – переформатирование границ и конечная геополитическая реконфигурация региона по собственному сценарию;*
- *Перенос указанных деструктивных процессов с «Большого региона» на Россию, Иран и Китай, являющихся, по-видимому, конечными целями разрабатываемой геополитической программы. Посредством так называемого «разогрева» всего «Большого региона» создание по всему периметру границ, в первую очередь России и зон ее исключительных интересов, зоны перманентной конфликтности, со всеми сопутствующими обстоятельствами.*
- *Создание ситуации геополитического хаоса по всему «Большому Региону», генерирующего перманентную напряженность и конфликтность как в направлении России, Китая и Ирана (восточное направление), так и в направлении Европы (западное направление). На фоне перманентно исходящего кризиса и хаоса в так называемой «зоне варваров» предотвратить возможность потенциальных зон глобального роста и конкуренции и сохранить на этом*

фоне Западно-Атлантический блок в качестве единственной зоны глобальной стабильности и развития. Все это близко к сути концепции так называемого «контролируемого хаоса».

Тезис II: Несмотря на отмеченные положения первого тезиса, на сегодняшний день очевидно, что ситуация и процессы в «Большом регионе» полностью вышли из-под какого-либо контроля, в том числе и ее потенциальных конечных разработчиков. Мы можем лишь говорить о каком-либо ситуативном и тактическом манипулировании либо использовании со стороны включенных игроков текущую геополитическую конъюнктуру, но не о каком-либо контроле и управлении процессами.

Тезис III: Суть разворачивающихся процессов в том, что на этом фоне идет борьба между основными включенными геополитическим субъектами за переформатирование региона и конструирование доминирующей региональной историко-геополитической конфигурации. В этом плане, наряду с мега-проекциями глобального уровня со стороны крупнейших субъектов – США, России и Китая, речь здесь идет, в первую очередь, о столкновении трех больших региональных геополитических программ: «пансуннизма» (преимущественно «пансаудизма»), «паншиизма» (преимущественно «паниранизма») и «неоосманизма». При этом из анализа текущих процессов очевидно, что наиболее деструктивной и разрушающей в потенциале стратегией-программой для Большого регионального порядка является именно стратегия турецкого «неоосманизма».

Ноябрь, 2017г.

**«ՄԵԾ ՏԱՂԱԾՍՇՆՈՒՄՆԻՆ ԿԱՂԳԻ»
ՆՈՐ ԿԱՌՈՒՑՎԱԾՔԸ**

Ալեքսանդր Հարությունյան

Ամփոփագիր

Համաշխարհային քաղաքականության զարգացման գործընթացների վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ արդի աշխարհը հատկանշվում է գլոբալ համակարգի խոր վակուումի առկայությամբ, որն առաջ է եկել աշխարհակարգի ողջ կառույցի

ճգնաժամի և կայունացնող աշխարհամակարգային հարացույցերի բացակայության արդյունքում, և որը լրացվում է մի շարք խոշոր տարածաշրջանային աշխարհաքաղաքական նախագծերի ու աշխարհառագնավարական ծրագրերի կոշտ բախմամբ, որոնք իրենց պոտենցիալ հակամարտածին և ճգնաժամային թափով գուցե գերազանցում են նախորդ բոլոր դարաշրջանները: Վերլուծությունում դիտարկվում է այսպես կոչված «Մեծ Մերձավոր Արևելքի» (ՄՄԱ) տարածաշրջանը, որը սույն աշխատանքի համատեքստում ավելի լայն է սահմանվել՝ որպես «Մեծ Եվրասիական տարածաշրջան»: Այս կարևոր տարածաշրջանում ծավալվող գործընթացների էությունն այն է, որ պայքար է ընթանում հիմնական առանցքային աշխարհաքաղաքական սուբյեկտների միջև՝ տարածաշրջանի վերափոխման և գերիշխող տարածաշրջանային պատմա-աշխարհաքաղաքական կոնֆիգուրացիայի կառուցման համար: Այս առումով, խոշոր սուբյեկտների՝ ԱՄՆ-ի, Ռուսաստանի և Չինաստանի գլոբալ մակարդակի մեզանախագծերից բացի, այստեղ խոսվում է նաև երեք մեծ տարածաշրջանային աշխարհաքաղաքական ծրագրերի բախման մասին՝ «համասուննիականություն» (գերազանցապես՝ «համասաուդականություն»), «համաշիականություն» (գերազանցապես՝ «համաիրանականություն») և «նեոսմանականություն»: Հատուկ ուշադրություն է հատկացվում թուրքական «նեոսմանականությանը», որը դիտարկվում է որպես առավել ապակառուցողական և քայքայիչ ծրագիր-ռագնավարություն Մեծ տարածաշրջանային կարգի համար:

НОВАЯ АРХИТЕКТУРА «БОЛЬШОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ПОРЯДКА»

Александр Арутюнян

Резюме

Анализ разворачивающихся процессов развития мировой политики выявляет, что современный мир характерен наличием глубокого вакуума глобальной системы, созданного в результате кризиса всей архитектуры миропорядка и отсутствия стабилизирующих миросистемных парадигм и заполняющегося жестким столкновением ряда крупных региональных геополитических проектов и геостратегических программ, которые по своему потенциальному конфликтогенному и кризисному запалу, возможно, превосходят все предыдущие эпохи. В приведенном анализе одной из ключевых арен разворачивания данного острейшего противостояния на геополитической карте современного мира рассматривается регион так называемого «Большого Ближнего Востока» (ББВ) или определенный в контексте данной

работы более широко «Большой Евразийский регион». Суть разворачивающихся в данном ключевом регионе процессов заключается в развертывании борьбы между основными вовлеченными геополитическими субъектами за переформатирование региона и конструирование доминирующей региональной историко-геополитической конфигурации. В этом плане, наряду с мега-проекциями глобального уровня со стороны крупнейших субъектов – США, России и Китая, речь здесь также идет, в первую очередь, и о столкновении трех больших региональных геополитических программ: «пансуннизма» (преимущественно «пансаудизма»), «паншиизма» (преимущественно «паниранизма») и «неоосманизма». Особое внимание уделяется стратегии турецкого «неоосманизма», рассматриваемой в качестве наиболее деструктивной и разрушающей в потенциале стратегией-программой для Большого регионального порядка.

THE NEW ARCHITECTURE OF THE “BIG REGIONAL ORDER”

Alexander Harutyunyan

Resume

An analysis of unfolding processes in the global politics shows that the modern world is characterized by a deep vacuum of the global system created as a result of the entire world order architecture crisis and absence of stabilizing microsystemic paradigms. It is filled with a fierce clash of a number of regional geopolitical projects and geostrategic programs, which perhaps have higher potential of conflicts and crisis fervor than all past epochs. One of the key arenas of this acrimonious standoff on the geopolitical map of the modern world considered in this analysis is the “Greater Middle East” or as more widely defined in the context of this article, the “Greater Eurasian Region”. The essence of processes unfolding in this key region is the struggle between the main involved geopolitical subjects to reformat the region and construct a dominant regional historical-geopolitical configuration. In this sense, along with global level mega-projections by the largest subjects, the USA, Russia and China, there is also a clash of three large regional geopolitical programs: “pan-Sunnism” (primarily pan-Saudi), “pan-Shiism” (primarily pan-Iranian) and “pan-Ottomanism”. A special attention is paid to pan-Ottomanism, which is considered potentially the most destructive strategy/program for the Greater Regional Order.